

Владимир
Бондаренко

«ОТ БАЯЗЕТА ДО ПОРТ-АРТУРА...»

Проживаем очередной забытый всеми печальный юбилей. Первая русско-японская война 1904–05 годов. Как говорят о ней японцы нити-ро сэнсо: 27 января (9 февраля) 1904 – 23 августа (5 сентября) 1905) – война между Российской и Японской империями за контроль над Маньчжурией и Кореей. Собственно, ни в самой России, ни в самой Японии война не велась. Такая неприметная империалистическая война за колонии, несправедливая со всех сторон. Но, если говорить об имперском замахе, он без сомнения был. Россия стремилась сохранить контроль за северным Китаем и Маньчжурией. Нам не столько территории китайские были нужны, сколько требовалось обезопасить наши границы. Для того и железную дорогу строили рекордными темпами, и флот на дальнем Востоке развивали. Увы, ничего не помогло. Но в память русскую война вошла, как война героического поражения.

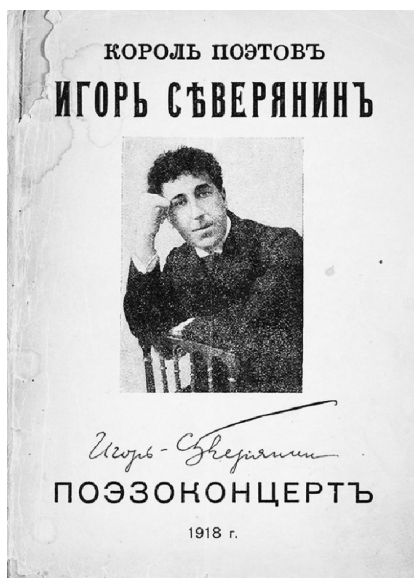
России война была не нужна, мы шли на всевозможные уступки Японии, но те чувствовали свою силу и по сути первыми неожиданно начали войну. Внезапное, без официального объявления войны, нападение японского флота на русскую эскадру на внешнем рейде Порт-Артура в ночь на 27 января (9 февраля) 1904 года привело к гибели наших сильнейших кораблей русской эскадры. В августе 1904 года японцы осадили Порт-Артур, и к январю заняли его. Вслед за этим с 14 (27) мая 1905 по 15 (28) мая 1905 года японцы в Цусимском сражении нанесли сокрушительное поражение русской эскадре, переброшенной на Дальний Восток с Балтики.

Это поражение от никому доселе неизвестной островной Японии изменило всю ситуацию в стране. С одной стороны, студенты Московского университета поздравили японского микадо телеграммой с победой над русским флотом при Цусиме. Это как сейчас нынешние либералы приветствуют все атаки бандеровцев на Донецк.

С другой стороны, это поражение заставило задуматься всерьез и политиков и промышленников над развитием России. Как было и после поражения в Крымской войне 1853–54 гг. О влиянии либералов на тогдашнее общественное мнение говорит уже тот факт, что о гибели тысяч русских моряков, о гибели флота почти и не писали, художественная литература предпочла этого не заметить. За двумя исключениями. И тоже примечательными.

Во-первых, это знаменитая песня «Варяг», написанная после трагической гибели крейсера чистокровным немцем Рудольфом Грейнцем, подданным немецкого кайзера Вильгельма, и сразу же переведенная Е.М. Студенской. Почему немец вдруг написал столь замечательную прощальную песню? Прежде всего потому, что добрая треть офицеров на «Варяге», как впрочем и на других кораблях, были немцами. Дань погибшим товарищам. Уже в наше время прекрасный очерк о подвиге «Варяга» и о самой песне написал Олесь Бузина, незадолго до своей гибели.

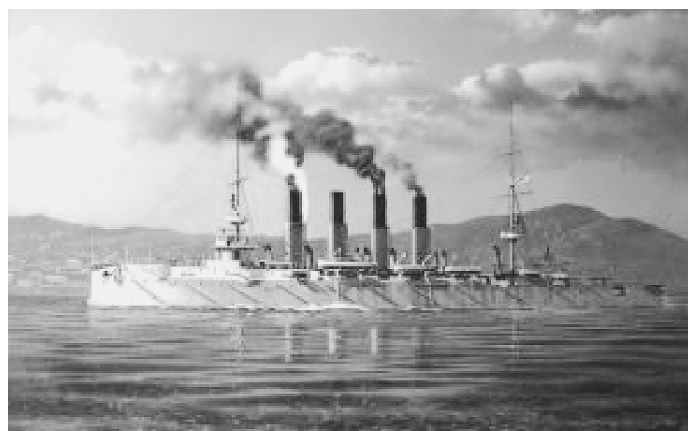
«За родину в море открытом умрем, Где ждут желтолицые черти.»

Как пишет Бузина: «...“Желтолицые черти” меня всегда умиляли... А ведь «Варяг» пели на многих войнах. И не только русские. К примеру, те же немцы...» Рудольфа Грейнца распирала жалость к погибшим, он постарался в песне слиться воедино со своими товарищами. Мы же уцелевшего на «Варяге» мичмана Лободу расстреляли в 1920 году в Холмогорах, на моей исторической родине. А песню поем и сейчас. Пели ее и на линкоре «Новороссийск» в 1955 году в Севастопольской бухте, когда линкор взорвался и утонул, унося с собой сотни моряков. Пели ее русские моряки и на подводной лодке «Комсомолец», затонувшей в апреле 1989 года. Трагическое, и в то же время героическое прощание.

Та русско-японская война и стала для патриотов России примером трагического прощания. Корабли гибнут, взрываются, уходят на дно, но не сдаются. Героизм отчаяния.

Вторым заметным отзвуком на события в русско-японской войне стали стихи юного поэта Игоря Лотарева, позже ставшего Северяниным.

Весной 1903 года бывший морской офицер, вышедший в отставку, отец поэта Василий Петрович Лотарев, получив место коммерческого агента в КВЖД, отправился в далекий Квантун, взяв сына с собой. Ехали долго, через Москву, где Игорю пришлось пережить ярость от свадьбы той, в которую был долго и безнадежно влюблен, своей кузины Лизы, через Урал, затем Байкал, который запомнился впечатлительному поэту, Алтай, и, наконец, Китай, порт Дальний.

Крейсер «Варяг» на рейде Порт-Артура. Худ. Юрий Сорокин

Я с детства мечтал о Байкале,
 И вот – я увидел Байкал.
 Мы плыли, и гребни мелькали,
 И кедры смотрели со скал.
 Я множество разных историй
 И песен тогда вспоминал
 Про это озерное море,
 Про этот священный Байкал.
 От пристани к пристани плыли.
 Был вечер. Был холод. Был май.
 Был поезд, – и мы укатили
 В том поезде в синий Китай.

Прогулки по горам, поездки в Порт-Артур, увлечение молодой японочкой. В памяти остались навсегда увиденные русские корабли эскадры. Война уже приближалась, это напряжение чувствовал и юный Игорь. Ему запомнился роскошный бал на «Рюрик» устроенный генерал-лейтенантом Кондратенко (позже погибшим при обороне Порт-Артура), как бы осознанно, бросая вызов японцам. Мол, у нас все спокойно, пьем шампанское. А в трюмах кораблей в это время считали снаряды.

На Дальнем Востоке Игорь Лотарев, оказавшись в одиночестве, продолжает писать стихи. Он скучает по матери, по Гатчине, где прошло его детство, по России и уже родному Северу, и именно здесь, на юге рождается его псевдоним, рожденный жизнью в Сойволе и Череповце – Северянин. В Дальнем он пишет стихи, которые позже вошли в сборники «Анананасы в шампанском» и «Поэзо-антракт». В декабре 1903 года он, поссорившись с отцом, неожиданно решает в шестнадцать лет, в одиночку вернуться в Россию, к матери. Проездом он посещает Владивосток, где наблюдает знаменитый владивостокский отряд крейсеров. На его юношеское романтическое впечатление от Порт-Артура и Дальнего наложились и вскоре в 1904 году начавшаяся русско-японская война, закончившаяся полным поражением России.

В автобиографическом романе в стихах «Падучая стремнина» Игорь-Северянин упоминает о том, что в Гатчине у него была собрана большая коллекция открыток с изображением российских боевых кораблей, принадлежавших к двум Тихоокеанским эскадрам:

В год первой революции на дачу
 Мы в Гатчину поехали. Весною
 Произошла Цусима. Катастрофа
 Нежданная совсем меня сразила:
 В ту пору я большим был патриотом
 И верил в мощь любимой мной эскадры.
 Я собирал коллекцию из снимков
 Судов всех флотов; на почетном месте
 Примерно вымпелов сто девяносто,
 Висел на стенке русский флот, причем
 Разделены суда все по эскадрам:

Из Балтики, левой – из Черноморья,
И Тихоокеанская. [...] Тоска,
Терзавшая меня в связи с Цусимой,
Мне не давала наслаждаться летом.

Игорь был настолько потрясен драмой, разыгравшейся на Дальнем Востоке, гибелью еще недавно виденных им красавцев крейсеров и линкоров, что написал целый цикл стихотворений, посвященных битвам в океане: «Бой при Чемульпо», «Гибель «Рюрика», «Подвиг «Новика», «Взрыв «Енисея», «Потопление «Севастополя», «Захват «Решительного», «Конец «Петропавловска». Именно с этих своих стихов Игорь Северянин отсчитывал уже всегда начало своей профессиональной поэтической деятельности, к тому же, их публикация была дебютом поэта в печати. Кроме стихов Игорь начал собирать открытки с изображениями всех кораблей обоих Тихоокеанских эскадр.

Большой знаток Игоря Северянина, краевед из Таллина Михаил Петров пишет о дальневосточном периоде поэта: «Исследователей творчества Игоря Северянина (Игоря Лотарева), может заинтересовать I-я Тихокеанская эскадра, принимавшая участие в начале Русско-японской войны. Некоторые суда этой эскадры описаны или просто упомянуты в стихах Игоря Лотарева. Некоторые суда 2-й Тихоокеанской эскадры юный поэт мог видеть на рейде Санкт-Петербурга или в Кронштадте. К сожалению, я не располагаю полным набором, открыток с «вымпелами» первой и второй эскадры, однако ресурс все же постоянно полняется.

Использованы открытки издания Н. Апостоли в Петербурге, Р. фон дер Лея и Е. Иванова в Ревеле из личного архива автора, аналогичные тем, что были собраны поэтом в Санкт-Петербурге в квартире на Средней Подъяческой улице. Также использованы фотоматериалы из сборника «Летопись войны с Японией» (портреты адмиралов и офицеров, бытовые сцены)».

Он смотрел на свои открытки и писал трагические и вместе с тем героические стихи. «За эти годы, – писал позже Северянин, – мне посчастливилось напечататься только в немногих изданиях. Одна «добрая знакомая» моей «добрый знакомой», бывшая «добрый знакомой» редактора солдатского журнала «Досуг и дело», передала ему (генералу Зыкову) мое стихотворение «Гибель Рюрика», которое и было помещено 1-го февраля 1905 г. во втором номере (февральском) этого журнала под моей фамилией: Игорь Лотарев. В то же время я стал издавать свои стихи отдельными брошюрками, рассылая их по редакциям – «для отзыва». В 1908 г. промелькнули первые заметки о брошюрках. Было их немного, и критика в них стала меня слегка поругивать».

Первым было напечатано стихотворение «К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры», которое Игорь отослал в журнал «Досуг и дело», где оно вышло отдельной брошюрой 25 сентября 1904 г. С них и отсчитывал свою поэтическую судьбу знаменитый поэт.

Поднимется на флагманском «Баяне»
Опять сигнал: «идти в Владивосток»
Он невозможного ломает грани
По смыслу он возвышен и высок.

Начнется бой, которому на свете
Никто не сможет равного найти,
Но на «Баяне» и в минуты эти
Прочтут сигнал: «в Владивосток идти».

Как и большинство патриотически настроенных россиян Игорь сначала ждал, как Порт-Артурская эскадра прорвется к Владивостоку, затем ждал такого же прорыва эскадры адмирала Рождественского под Цусимой. Увы, этого так и не произошло.

25 июля 1904 г. командующий эскадрой в Порт-Артуре адмирал Витгефт получил от наместника на Дальнем Востоке адмирала Алексеева последнюю депешу: «Вновь подтверждаю... к неуклонному исполнению вывести эскадру из Порт-Артура... не выход эскадры в море вопреки высочайшей воле и моим приказаниям и гибель ее в гавани в случае падения крепости лягут тяжелой ответственностью перед законом, лягут неизгладимым пятном на Андреевский флаг и честь родного флота. Настоящую телеграмму сделать известной всем адмиралам и командирам».

В этот же день японцы установили осадные батареи и открыли огонь по городу, порту и кораблям.

Адмирал Витгефт приступил к выполнению приказа, хотя в благополучный исход этой операции не верил. 26 июля на броненосце «Цесаревич» он объявил флагманам и командирам кораблей последнюю телеграмму Алексеева и назначил выход эскадры на 6 часов утра 28 июля. Указаний как вести бой при встрече с противником адмирал не дал, сказав, что он будет пользоваться инструкциями, выработанными в свое время адмиралом Макаровым, но уточнил исход прорыва. В приказе уточнялось: «Кто может, тот и прорвется, никого не ждать, даже не спасать, не задерживаться из-за этого, в случае невозможности продолжать путь выкидываться на берег и по возможности спасать команды, а судно топить и взрывать, если же не представится возможности продолжать путь, а представится возможным дойти до нейтрального порта, то заходить в нейтральный порт, даже если бы пришлось разоружиться, но никоим образом в Артур не возвращаться, и только совершенно подбитый под Порт-Артуром корабль, безусловно, не могущий следовать далее, волей-неволей возвращается в Артур».

Как известно, прорыв всей эскадрой не удался. В начале боя погиб адмирал Витгефт, что, к сожалению, привело к потере управления. Часть кораблей, в основном броненосцы, кроме одного, возвратились в Порт-Артур, крейсера и миноносцы прорвались и в дальнейшем были интернированы в иностранных портах.

Историк В. Жилин пишет: «Во время боя японских эскадр под Порт-Артуром вице-адмирал Камимура с броненосными крейсерами находился в Корейском проливе. Он имел приказ адмирала Того не допустить в Желтое море прорыва отряда владивостокских крейсеров».

В ночь на 30 июля получил командующий ТОФ адмирал Скрыдлов во Владивостоке телеграмму от адмирала Алексеева следующего содержания:

«Порт-артурская эскадра вышла в море сражаться с противником, крейсера пошлите в Корейский пролив».

Российское командование намеревалось силами отряда владивостокских крейсеров поддержать прорыв порт-артурской эскадры, но приказание о его выходе

к Корейскому проливу поступило во Владивосток поздно – 29 июля. К этому времени ни Алексеев, ни Скрыдлов не знали, что уже 28 июля порт-артурская эскадра проиграла бой и в море отправлять крейсера уже не надо.

Утром 30 июля броненосные крейсера «Россия», «Громобой» и «Рюрик» вышли в Японское море. Через двое суток, 1 августа, при подходе к Корейскому проливу отряд обнаружил четыре военных корабля. Первоначальное чувство радости встречи с кораблями порт-артурской эскадры сменились чувством тревоги, так как по силуэтам судов стало ясно, что это японские крейсера адмирала Камимурэ. Завязался бой, вскоре к ним подошли еще два легких японских крейсера.

Японские корабли превосходили русские не только по численности, но и по скорости хода и бронированию. На «Рюрике» заклинило руль, и корабль начал циркулировать. Пытаясь прикрыть его, остальные два крейсера начали маневрировать, отвлекая огонь вражеской артиллерии на себя. Трижды они подходили к «Рюрику» в надежде, что ему удастся устранить повреждения, но он потерял и ход. Тогда командир отряда контр-адмирал Иессен приказал двум крейсерам лечь на курс отхода. Японцы решили захватить поврежденный «Рюрик». Командование корабля погибло. Оставшись за командира, лейтенант Константин Петрович Иванов пытался управлять вначале крейсером с помощью машин, но после того, как все орудия были разбиты и четыре котла вышли из строя, приказал открыть кингстоны. В 10 часов 42 минуты 1 августа 1904 г. «Рюрик» скрылся под водой. В истории Тихоокеанского флота «Рюрик» по праву занял место рядом с «Варягом», «Стерегущим» и «Страшным»...

Мне интересно, что как и в случае с песней «Варяг», в стихотворениях Игоря Северянина, посвященных русско-японской войне, нет уныния и пораженчества, нет проклятий в адрес бездарного командования и всего царского правительства.

Поэт Игорь Северянин как начал свою поэтическую карьеру откровенно патриотическими стихами, став единственным русским известным поэтом, воспевшим подвиги и гибель русских моряков в войне 1904–5 г. г., так и закончил свою поэтическую жизнь прославлением великой России и ее вождя Сталина в 1940 году. Об этом патриотичном русском поэте никто и никогда еще не писал. А ведь, он даже в своих, ставших знаменитыми, стихах из «Громокипящего кубка» писал:

Я, гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен:
Я повсеградно озкранен!
Я повсесердно утвержден!
От Баязета к Порт-Артуру
Черту упорную провел.
Я покорил литературу!
Взорлил, гремящий, на престол!

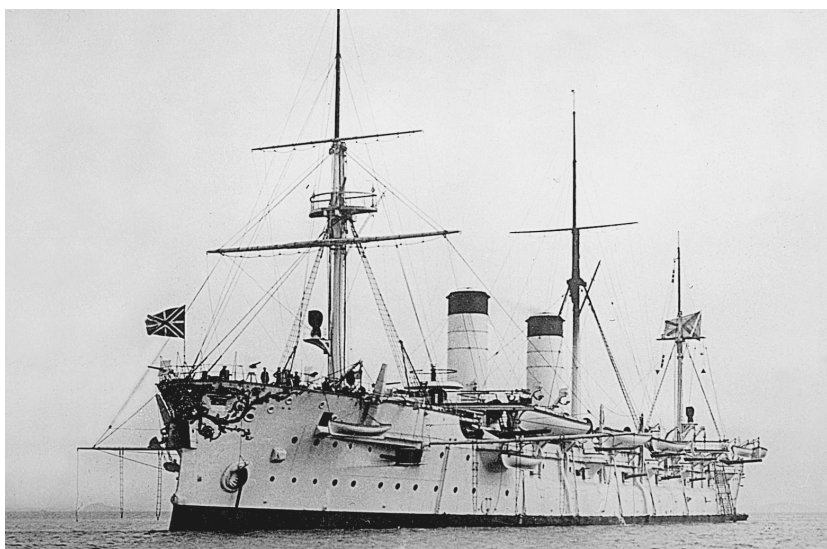
В этом стихотворении октября 1912 года «Эпилог» автор эпатажен, резок, сочетает новый язык поэтов Серебряного века с ярко выделяющейся и не менее экспрессивной старославянской лексикой. «Эпилог» – одно из стихотворений, посвященных теме «Поэт и толпа» и связанных единым пафосным началом. Только в «Эпилоге» все подчеркнуто гротескно и эмоционально. И критики

как правило не замечали, от какого Баязета и к какому Порт-Артуру поэт провел упорную черту. Это же явная имперскость, от Турции до Китая.

Так что китайская линия в его ранней поэзии отчетлива. Он всю осаду Квантуна японцами пропустил через свою душу. Жалел, что уехал в канун 1904 года и не поучаствовал в войне.

«Гибель Рюрика» была опубликована в феврале 1905 года в массовом солдатском журнале «Досуг и дело». До этого вышли и несколько брошюр со стихами посвященными русским морякам.

1904 год. Сентябрь, 25. Первая публикация. Дозволена цензурой к печати брошюра Игоря Лотарева «К предстоящему выходу Порт-Артурской эскадры: Стихотворение». СПб.: Тип. К. Шлегельмильх. 4 с. Датировано: 15 сентября 1904 г.

Крейсер «Рюрик», затопленный в 1905 году

Октябрь, 12. Дозволена цензурой к печати брошюра «Гибель «Рюрика»: Стихотворение». СПб.: Тип. К. Шлегельмильх. 1904. 6 с. 200 экз. Датировано: 27 сентября 1904 г.

В эпиграфе автор рассказывал о том, что видел на крейсере-герое:

Он спит теперь, герой, сном вечности объят,
И имя Рюрика звучит бессмертной славой.
Не далее ж того, как год тому назад
Он пышный бал давал, красавец величавый.
Пусть же этот бал останется в сердцах
Участников его прекрасным сновиденьем.
Пусть вспомнят они его в своих мечтах,
Как жизни горестной отрадное мгновенье.

Игорь Северянин помнил еще бал на крейсере «Рюрик» в Порт-Артуре, помнил его красоту, тем более тяжело было узнать о его гибели.

Ноябрь, 4. Дозволена цензурой третья брошюра «Подвиг «Новика»: Стихотворение». СПб.: Тип. «Самокат», 1904. 7 с. 300 экз. Датировано: 5 октября 1904 г. 200 экз. этой брошюры автор посылает для чтения солдатам.

Н. Лухманова поблагодарила автора посредством «Петербургской газеты», «чем доставила ему большое удовлетворение» (см. запись за 8 апр. 1905 г.).

1905

Февраль, 1. Выходит в свет солдатский журнал «Досуг и дело», который публикует стихотворение Игоря Лотарева «Гибель «Рюрика»». Позже поэт называл эту публикацию началом своего литературного пути и именно от нее отсчитывал 30-ти и 35-летие своей литературной работы.

Февраль, 3. Дозволена цензурой брошюра «Взрыв «Енисей»: Стихотворение». СПб.: Тип. И. Флейтмана. 1905. 4 с. Датировано 11 октября 1904 г.

Апрель, 8. Игорь Лотарев впервые отмечен на страницах «Петербургской газеты» писательницей Н. А. Лухмановой, которая рассказывает, что передала раненым «на театре военных действий с Японией» 200 экземпляров брошюры Игоря Лотарева «Подвиг «Новика»»:

«...Минутами получается здесь душевное обновление, снова переживаешь детские, маленькие, такие сладкие, полные радости. Пришла картонка, обшитая холстом, полная тоненьких книжечек, 200 экземпляров стихотворения «Подвиг Новика». Этот подарок, предназначенный автором еще для елки, запоздал, но... будет роздан в окопах солдатикам, которые охотно читают такие маленькие книжечки, которые можно сейчас же спрятать в карман. Спасибо автору».

Апрель, 20. Дозволена цензурой брошюра «Потопление «Севастополя»». СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1905. 4 с. Датировано 27 марта 1905 г.

Май, 10. Дозволена цензурой брошюра «Захват «Решительного»: Стихотворение». СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1905. 4 с. Датировано ноябрем 1904 г.

На последней странице обложки перечислены все предыдущие издания Игоря Лотарева и указан его домашний адрес: «Продаются в складе изданий: СПб., Средняя Подьяческая ул., 5, кв. 3».

Лето. Проводит в Гатчине под Петербургом, где его мать снимает дачу.

Знакомится с Евгенией Гутцан (Гуцан), которую называл Златой.

Июнь, 20. Дозволена цензурой брошюра «Конец «Петропавловска»: Стихотворение». СПб.: Тип. И. Флейтмана. 4 с. Датировано 10 ноября 1904 г.

Июль, 6. Запрещено цензурой стихотворение «Сражение при Цусиме», датированное 29 июня 1905 г. Цензурный экземпляр сохранился в архиве Северянина в Эстонском литературном музее в Тарту с пометой «кат<егорически> запрещ<ается>» и датой – 6 июля 1905 г.

Июль, 27. Дозволена цензурой брошюра «Бой при «Чемульпо»: Стихотворение». СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1905. 4 с. Датировано 4 января 1905 г. Посвящено годовщине гибели «Варяга» и «Корейца».

Вышедшие в 1904–1905 гг. восемь брошюр о русско-японской войне автор хотел выпустить под названием «Морская война» (намерение не осуществилось). Лишь в 2005 году все тот же Михаил Петров издает в Таллине отдельной книжечкой к 100-летию со дня начала литературной деятельности Игоря-Северянина «Девять стихотворений о русско-японской войне», включая запрещенное цензурой стихотворение «Сражение при Цусиме».

Август, 11. Дозволена цензурой брошюра «По владениям Кучума». СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1905. 4 с. Датирована: «Порт-Дальний, июнь 1903 г.». На обложке ниже заглавия напечатано содержание: «Стихотворения: 1) На Урале. 2) Около Иртыша. 3) Озеро Байкал».

В этот же день. Дозволена цензурой брошюра «Из «Песен сердца» (I–V): Из стихотворений 1903 г.». СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1905. 8 с. В издание вошло пять стихотворений, среди которых «Царевна Суды», «Обманщица-весна», «Несбыточный сон» и др.

Стихи, вошедшие в брошюру, написаны во время пребывания поэта на Дальнем Востоке в Порте-Дальнем в августе-декабре 1903 г., посвящены первой любви поэта кузине Лиле, которая перед его отъездом вышла замуж, и полны чувствами разочарования и грусти.

Интересно, что и сегодня, спустя 110 лет после окончания войны, никто в нашей печати не решился вспомнить о таком печальном, но и значимом юбилее. В конце концов, именно русско-японская война и печальное поражение русских привели сначала к революции 1905 года, а затем и к октябрю 1917. Могли бы наши политики и историки поразмышлять о столь трагических итогах битвы какого-то островного карлика с мировой державой.

Кстати, кроме юного Игоря Северянина и печального немца Рудольфа Гренца, автора «Варяга», в числе поэтов, отзавшихся на печальную, но героическую гибель русского флота можно назвать и японского известного поэта Исикава Такубоку, написавшего поэму, посвященную гибели в бою великого русского флотоводца адмирала Макарова:

Противник доблестный! Ты встретил свой конец,
Бесстрашно на посту командном стоя...
С Макаровым сравнив, почтят героя
Спустя века. Бессмертен твой венец!
И я, поэт, в Японии рожденный,
В стране твоих врагов, на дальнем берегу,
Я, горестною вестью потрясенный,
Сдержать порывы скорби не могу...

Самым сильным, на мой взгляд, из военно-морских девяти стихотворений Игоря Северянина является стихотворение 1904 года – Захват «Решительного».

Памятник адмиралу Макарову в Кронштадте

Я расскажу вам возмутительный
 Войны текущей эпизод,
 Как разоруженный «Решительный»
 Попался в вражеский тенет.
 Как, позабыв цивилизацию,
 Как, честь и совесть позабыв,
 Враги позорят свою нацию,
 Как их поступок некрасив.

«Решительный» стоял в нейтральном китайском порту, разоруженный китайцами, и в нарушении всех международных правил, японцы, узнав об этом, ворвались в китайский порт и захватили корабль, несмотря на сопротивление безоруженной команды. Но море само отомстило, и выйдя в открытое море, «Решительный» затонул, очевидно, не без помощи русских механиков корабля.

За их поступок беззастенчивый
 Их наказало море так:
 По воле случая изменчивой
 Погиб «Решительный» в волнах.
 Пусть население европейское
 Поступок варваров поймет,
 Я ж верю опыту житейскому:
 «Добро чужое впрок нейдет».
 Игорь Лотарев.
 С.-Петербург. Ноябрь, 1904 г.

Как пишет Михаил Петров: «Что касается Дальнего и Порт Артура, то именно здесь он постиг очарование моря, плещущегося у головокружных китайских берегов. Балтийское море, а точнее Финский залив он познает в Тойла, оценив эстляндские головокружные берега. Высокий глинт в Тойла действительно напоминает окрестности Даляна с той только разницей, что море есть, но за спиной нет гор, а вместо золотого песка – крупная галька...»

Дальний (Далян) был основан на берегу залива Далянван на территории, полученной Россией в аренду от Китая по конвенции 1898 года. Игорь Северянин побывал в Дальнем и Порт-Артуре летом 1903 года. Сегодня в Даляне (Дальний) и его пригородах проживает более пяти миллионов человек. В городе еще можно найти здания, построенные в начале прошлого века. Современный Далян находится в центре свободной экономической зоны и представляет собой китайский вариант мегаполиса. О его прошлом напоминают несколько чудом уцелевших зданий и потешная «Улица русского колорита»...

В Даляне и Порт Артуре Игорь Лотарёв видел первую Тихоокеанскую эскадру, русских адмиралов, офицеров и матросов. В 1941 году упокоившись на Александрово-Невском кладбище в Таллинне, поэт попал в компанию российских моряков во главе с контр-адмиралом Изыльметьевым. Промысел Божий несомненен: на сельском кладбище в Тойла ему, наверное, было бы скучно среди деревенских постояльцев...»

Прочитал неожиданно и фантазии писателя Евгения Ганина по поводу Северянина, очень к месту, ибо посвящены его дальневосточному периоду: «В последние ночи мне почему-то снятся фантастические сериальные сны. В первой серии моей «фантазии» приснился странный, но милый обаятельный мальчик лет 7–8, везущий странную коляску. На голову надета бескозырка русского матроса, курточка похожа на форменку английского моряка, а на ногах офицерские сапожки.

Увидев меня, «серьёзный человечек» остановился и удивлённо нараспев спросил, чуть-чуть грассируя:

– Вы откуда явились, сударь?

– Из 21 века, господин поэт!..

– Здорово!.. У вас есть авто времени?

– Машиной времени я не обладаю, но у меня, как и у вас, есть способность фантазировать беспредельно.

– Это великолепно!.. Я люблю беспредельщину! Разрешите представиться: Я – Игорь Лотарёв! Мой папа, штабс-капитан. Вы находитесь в китайско-японской Манчжурии в русском городе Дальний. Если вы пойдёте по этой дороге, то попадёте в Порт-Артур. А мама моя осталась дома в России... Мы постоянно живём в городе Череповец Новгородской губернии. Я живу в большом доме. У нас усадьба «Сойвола», так называется... У меня есть отдельный кабинет для учёбы и стихотворений...

Маленький Игорь в матроске

– А почему и куда вы везёте за собой эту странную коляску?

– Я играю в китайского рикшу. Я везу нашим солдатикам и матросикам еду...

Кто хорошо есть – тот хороший воин! Папа говорит, что здесь очень скоро будет война с японцами.

– Ты любишь войну?

– Не – е- е... Я люблю песни петь и стихи сочинять... И ещё мне нравится всё красивое-прекрасивое. Люблю цветы и девочек наряженных. Я буду самым великим поэтом, как Пушкин!.. Я – гений!

– Кто тебе это сказал?

– Никто. Я сам это узнал!

– Но, я, как погляжу... Вы, Игорёк-Огонёк, скромностью не страдаете!..

– А кому нужна эта ненужная скромность? Конечно, скромность украшает человека, но без неё он идёт дальше... Через несколько лет я одному человеку, похожему на вас, сударь, обязательно отправлю поэтическое письмо, в заключительном куплете которого, я напишу всю правду о себе:

Да ослепит вас день весенний,

И да не знаю вас века!

Вы лишь посредственность, я – гений!

Я вас не вижу свысока!..

Мои сны. Серия вторая:

В первом моём сне Игорь осень заинтриговал меня. Меня поразила его воинствующее самолюбие. Это было похоже на детское безумие. Во вторую ночь, ложась спать, я заказал себе встречу с фантастическим мальчиком в доме его мамы в Гатчине. Игорь уже превратился 18-тилетнего молодого человека. Его голос окрасился в теноровый тембр. Он сидел в беседке цветущего сада. Юный поэт рассылал по различным редакциям газет и литературных журналов свои поэтические опыты. Моему неожиданному появлению он не удивился:

– Ах, это опять вы?.. Присаживайтесь, пожалуйста! Вот сортирую ответы на мои письма... Видите эту толстую стопочку бумажек?

Это всё отказы – откаты! Меня почти никто не понимает! А вот в этом конверте лежит сообщение, что моё стихотворение «Гибель Рюрика» уже о-пуб-ли-ко-ва-но! Бинго!.. Bravo!.. Бис!.. «Рюрик» – это крейсер первого ранга. Он нёс службу в Порт-Артуре. Япошки его потопили. На его героическую гибель моё сердце отозвалось стихами, но сейчас мне любопытно было бы узнать: как же идут дела в России 21-го века? Меня помнят? Читают? Мне верят?..

– Дела в России идут как всегда: всем хочется, чтобы дела шли как надо, а получается, что всё происходит наоборот.

– А почему так?.. Разве красота не спасла мир? Разве поэзия не превратилась в религию любви, доброты для всего человеческого мира?.. Разве на Руси не перевелись гении и таланты или умер русский патриотизм?

– Гениев значительно прибавилось, а талантов заметно убавилось. Патриотизм сильно поржавел. Появилась даже поговорка, что «патриотизм последнее убежище негодяя»

– О-о-о!.. Это грязная проза, которую сочинили наши враги. Вероятно, это произошло от того, что народ мало меня читает. Ведь замечательно слово в переводе с греческого языка означает – соотечественник!.. «Патриос» – Отечество!.. В основе понимания этой фонемы нравственный принцип самого великого эмоционального чувства любви. Патрия, то есть Родина! Она не может служить прибежищем по определению. Это же – родной дом, который надобно хранить и защищать на зеницу ока. Для меня, как русского поэта, моя безграничная любовь к России и к Поэзии слились в одно понимание – «Моя Россия»...»

В запрещенной цензурой стихотворении «Сражение при Цусиме» Игорь Северянин, несмотря на свой юный возраст, прекрасно осознает и причины и итоги поражения, но не теряет надежды на возрождение:

О, колосс северный – страна богатырей!
Отчизна доблестных российских сыновей,
Непобедимая никем и никогда!
В войне с Японией тебя гнетет беда...

И откровенное возмущение в адрес сдавшему флот адмиралу Небогатову:

К тебе обращаюсь я, русский народ:
Проклятье изменнику, сдавшему флот!
Изменники – хуже пиратов!
Позор же тебе, Небогатов!

14-го мая 1905 года произошло сражение при Цусиме. Русские корабли были практически расстреляны и рассеяны дальнебойными и мощными орудиями врага с расстояний недостижимых для наших канониров. Раненый адмирал Рожественский попал в плен.

Трагическая весть о Цусиме больно задела Игоря Лотарева. Собранная им коллекция открыток боевых судов, знакомые величественные силуэты боевых кораблей – вызывали тоску. Не радовала глаз ни зелень царского парка в Гатчине, где они вдвоем с матерью снимали дачу, ни – подобное огромному зеркалу – Серебряное озеро. Перо валилось из рук... Ясно, за что цензура запретила стихотворение, посвященное поражению при Цусиме, думаю и сегодня нашим царедворцам, торгующим российским государством, всевозможным Чубайсам и Грефам обеспечена защита от возмущения народа и патриотических поэтов, никакому «Нашему современнику» никогда не позволят публиковать стихи, подобные этим северянинским, но обращенные уже к нынешним изменникам.

А самим храбрым матросам поэт посвящает свои поминальные слова:

В адрес гибели «Новика»:

Мы Андреевский флаг сохранили.
 Спи ж спокойно, борец,
 Наш отважный боец,
 Мы их славы венки тебе свили.
 В адрес гибели «Рюрика»:
 И вместе с ним честно погиб командир
 И много погибло матросов...
 Пусть подвигом славным гордится весь мир,
 Тем подвигом доблестных россов!
 Или все тому же доблестному «Варягу»:
 Надеюсь, что еще найдутся люди,
 Которые поддержат русский флаг,
 Как сделали, врагу подставив груди,
 Бессмертные «Кореец» и «Варяг».

Можно по разному относиться к качеству этих стихов юного поэта, но что же мешало именитым поэтам того времени, от Валерия Брюсова до Федора Сологуба, от Мережковского до Максима Горького отдать дань важнейшему событию того времени? Или в литературном обществе довели, как и ныне, пораженческие настроения? Кто же будет сопереживать русским добровольцам в Донбассе? Где эти новые Игори Северянины или даже Рудольфы Гейнцены?

Да и нам не грешно помянуть в печальную юбилейную годовщину гибель «Рюрика» и «Варяга», и других кораблей двух Тихоокеанских эскадр, не забывая и об изменниках, способствовавших этой гибели.

(Фотографии предоставлены автором)

